

УДК 1 (091)

А.Х. Рамазанова, А.А. Куранбек

Социальные мифы в аспекте современности

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

Аннотация. В данной статье рассматривается специфика социальных мифов, особенности их функционирования в современном мире.

Современные мифы и по содержанию своему, и по форме существенно отличаются от древних. Но как и древние мифы, они овладевают сознанием масс и устремляют их активность в соответствующее русло. Особенно большая вера в подобные мифы становится в кризисные для общества времена (войны, смута, революции, разруха), когда прежние ценности интенсивно разрушаются, а новые только начинают формироваться.

Применительно к современным мифам можно говорить о латентной и активной фазах их функционирования. Во время своей активной фазы миф становится доминантой общества, расширяя свое воздействие до размеров всего общества или на большую его часть. Когда общественные ожидания меняются, миф теряет свою былую «славу», уступая место другой идеологической модели и резко сокращая число своих приверженцев. Однако при возникновении типологически сходных исторических условий на очередном витке общественных ожиданий старый миф может быть востребован обществом и снова стать идеологической доминантой. Также необходимо помнить, что мифологическое мышление в современном мире имеет уже превращенную форму его, отягощенную, в частности, степенью развитости человеческого сознания в результате социальной эволюции.

Ключевые слова: миф, социальные мифы, архаичные формы мышления, мифологическое мышление, человек, общество, самоидентификация, субъект, рефлексия, социальная эволюция, современный мир.

Миф, оставаясь неотъемлемым способом бытия человека в культуре, по мере цивилизационного продвижения человечества периодически изменяет свои формы, формы проявления мифологического. Лики мифотворчества многообразны. Каждый исторический тип сознания характеризуется определенным своеобразием некоторой конкретно-чувственной мифологической образности.

Современный человек, зачастую не осознавая того, постоянно живет в мире мифов. Еще Э. Кассирер писал: «Мы не можем полностью подавить миф или изгнать его из нашей жизни – он всегда появляется в новом облике» [1, с. 154]. Причем миф является совершенно естественным и самоочевидным для человека, живущего в культуре этого мифа, – основанием самого его бытия.

Миф всегда имманентен культурному опыту эпохи, поэтому с течением времени он подвергается трансформации, видоизменяется, сохраняя свои формальные характеристики, свою «мифологичность». Отзвук архаичных мифологий прослеживается в более поздних мифологических образах и сюжетах. Такие ученые, как А.Ф. Лосев [2] и Р. Барт [3], например, считали, что современная эпоха продуцирует мифы даже более

активно, чем прежние культурно-исторические эпохи. Е.М. Мелетинский, признанный авторитет в исследовании мифов, отмечает, что «этнология XX века доказала, что, во-первых, мифы в примитивных обществах тесно связаны с магией и обрядами и функционируют как средство поддержания природного и социального порядка... во-вторых, мифологическое мышление обладает известным логическим и психологическим своеобразием... в-третьих, мифотворчество является... символическим языком, в терминах которого человек моделировал... мир, общество и самого себя... миф... специфичен для культур архаических, но в качестве некоего «уровня»... может присутствовать в самых различных культурах...» [4, с. 153].

Познание человеком окружающего мира и своего места в нем предусматривает наличие определенной меры соответствия социальных установок и освоенных «категорий» мифа. На наш взгляд, на уровне отдельного индивида полностью нереальной является ситуация тотального подавления и искоренения структур мифа, наоборот, именно каждый отдельный человек выступает гарантом постоянного оживления в коллективном мышлении того или другого аспекта мифического.

Научное познание сущности и механизмов действия мифа не должно сопровождаться опустошением и тотальной демистификацией этого феномена. «Миф является первоначальным языком, (...) и никакие интеллектуальные формулировки даже не приближаются к богатству и выразительности мифологической образности» [5, с. 43]. Его рационально-научное «расколдовство», по Юнгу, направлено не столько на включение раскодированных и проинтерпретированных мифологических схем в контекст сознания, сколько представляет собой отработанную процедуру жесткого рационального развенчания и нигилистического отрицания мифа. Тогда как, по нашему мнению, единственно приемлемым результатом этих процессов может быть только индивидуальное осознание преисполненных поколенческого смысла бессознательных конструкций мифа, с помощью которых, собственно, и становится возможным оживление «трансцендентного», а не его выхолащивание, растаптывание и уничтожение.

«Почему мифы, которые ушли в небытие еще два тысячелетия назад, постоянно воспроизводятся, и довольно активно, в нашем сознании и поныне, то ответом на это будет свидетельство о постоянном присутствии мифов в мыслительном аппарате людей как некоторого базисного знания», – пишет известный отечественный исследователь М.С. Орынбеков [6, с. 30].

Если миф был единой системой ощущения и мышления, аккумулятором и ретранслятором опыта освоения мира древнего человека, то современное, «развитое» сознание сталкивается с ним, преимущественно в нестандартных для социализованного индивида ситуациях. «Миф более не доминирует в важных секторах жизни, он вытеснен частично на более скрытые уровни психики, частично во второстепенную и даже в безответственную деятельность общества... Миф функционирует преимущественно в отвлеченностях» [7, с. 39]. В первобытном состоянии миф, а значит, и коллективное бессознательное полностью формировали как индивида, так и человечество, именно поэтому, древние культуры и были заложниками тотального осуществления мифа. Итогом постепенного развития человеческой цивилизации, пытающейся болезненно преодолеть миф, стала попытка сформировать «сознание», которое однозначно бы противопоставило себя бессознательному как средоточию родового архетипического опыта. В итоге это

привело либо к отрицанию мифа вообще, либо к доминированию в массовых представлениях его интерпретаций на уровне иллюзий, фантазий, идеологем.

Таким образом, можно утверждать, что мифологические мотивы и аспекты присутствуют в социальной организации всегда, независимо от того, осознаются они людьми или нет.

Подавляющее большинство мифологических образов имеет архетипическое происхождение. Образы эти всплывают спонтанно или извлекаются целенаправленно из глубин человеческой психики. Но откуда они там берутся? Являются ли они отображениями каких-то реальных структур, существующих независимо от человеческой психики, или же они целиком – продукт разыгравшегося воображения, отклонившейся от нормы психики, патологический результат измененных состояний сознания? Отвечая на этот вопрос, К.-Г. Юнг [8] полагал, что, подобно соматической наследственности, существует наследственность психическая и что психические образы в персонифицированной или вещественной (безличной) форме наследуются человеком из поколения в поколение. Точнее сказать, наследуются не сами образы, а определенные психические структуры («комплексы», «архетипы»), которыми эти образы провоцируются.

Отступая в мифологическое пространство, психика человека опирается на архетипы: состояния Хаоса и Порядка и их оппозиции; оценки – Света и Тьмы (Добра и Зла); отношения – Свое-Чужое, Мы-Они; Чуда (преодоление оппозиций); происхождения – Демиурга-Творца, Матери-Природы и родственности – Отца, Матери, Братства (вместе с порожденными ими сюжетными оппозициями мужского и женского, отцовского и братского и т.д.).

Так архетипическая пралогика оппозиций действует в социально-политических мифах. Причем чувственно-наглядные, эмоционально-насыщенные образы «убеждают» обывателя быстрее, чем логические доводы. Еще в начале 30-х годов А.Ф. Лосев, обратившись к коммунистической мифологии приводил примеры из окружавшей его политической действительности: не только «призрак бродит по Европе», но и «оскалывают зубы шакалы империализма», «зияют пастью финансовые акулы» и т.п. [9, с. 97]. И на сегодняшний день источник зла в любой ситуации находится довольно быстро, при этом формируются соответствующие мифы об «оси

зла», об «исламском терроризме» и т.п. При этом игнорируется надобность в поиске причинно-следственных связей, весьма обременительном, а чаще всего недоступном для массового сознания.

Со сменой общественного устройства миф не исчезает, а приобретает иную форму существования, но по-прежнему остается реальнее любой реальности. Будучи продуктом человеческой фантазии, он оказывает отнюдь не фантастическое воздействие на общество. Такое явление можно объяснить тем, что с одной стороны, миф выступает результатом осмысления космических, а не обыденных житейских ситуаций, а с другой – средствами социального мифотворчества любое элементарно-бытовое событие может быть истолковано во вселенских масштабах, приобретая, не смотря на свою малость и ничтожность, значение чего-то возвышенного. Так из хаоса событий, окружающих человеческое общество миф по законам своей логики выстраивает исторический порядок. А сознание принимает этот порядок на всех структурах своего существования. «Так или иначе, более или менее логично, но каждый раз в мифе предстает в упорядоченном виде то, что обступает человека как темная бездна, перед лицом которой у него может возникнуть лишь одно чувство – страх, что он не справится с этим неведомым» [10, с. 32].

Внесение элементов архаики в современность не делает общество полностью архаическим, поскольку для архаического общества характерна как раз упорядоченность, стабильность мировоззрения – устойчивая картина мира, каноничный порядок вещей, фиксированная символическая функция, возвращающая предметы и явления из профанного мира в сакральное состояние. Кризис современного мировоззрения востребует из архаики символизм мировосприятия, стремление к отысканию картины мира, которая удовлетворила бы запрос на изживание катастрофических изменений в обществе, выведение смыслов бытия путем узнавания, сличения с культурным прецедентом.

Поскольку правила, и законы прежнего социального пространства перестают действовать, опыт передается не в виде знания об этих правилах и законах, а в виде мифосюжетов, основанных на системе символов, снимающих сложную рефлексию, устраняющую представление о случайности. Знаковые системы и символы приобретают важнейшую роль, символические

ценности оказываются выше всех прочих, поскольку ими актуализируется бессознательное, скрывающее движущий инструмент социальных процессов [11, с. 65].

В обыденном представлении миф – есть сказка, вымысел. Современный человек считает себя существом рациональным, исключаяющим то, что его образ мыслей и поступки могут определяться мифами. Однако при внимательном рассмотрении наша рациональность оказывается всего лишь попыткой прикрыть рациональными доводами те мысли и поступки, которые продиктованы импульсами, исходящими из сферы бессознательного.

В мифе как нигде, ярко иллюстрируется представление о том, что рациональная идея может иметь иррациональные источники. В древности мифологическая реальность окружала человека на каждом шагу, а сегодня миф становится оборотной стороной любой идеи – в особенности идеи социальной.

Реальная жизнь не укладывается в рациональные схемы. Полнота и сложность бытия передаются с помощью определенных «кодов информации» – мифов. Обыденное сознание с древних времен до наших дней живет в мире мифов.

Понятие «современный человек» относительно. Архаичные формы мышления все еще не затерялись в его сознании. К примеру, как показывает политическая практика, они зачастую определяют поведение и поступки, как политических лидеров, так и большинство народа. За кажущейся современностью можно обнаружить при внимательном рассмотрении движущие механизмы времен младенчества цивилизации.

К.Г. Юнг, характеризуя современную эпоху как кризисную, переносит эту характеристику и на человеческую психику. Он считает, что современное мифотворчество не носит сугубо рациональный характер. По его мнению, рациональная аргументация действует до тех пор, пока люди хотя бы до известной степени свободны от эмоций. Но стоит «температуре аффектов» подняться выше критической отметки, возможность результативного применения разума снижается, а его место занимают лозунги и химерические фантазии. Коллективная одержимость быстро развивается в психическую эпидемию, и те элементы, которые общество едва терпит в нормальном состоянии, оказываются во главе стола, а иногда и на вершине власти. Такие индивиды всегда присутствуют, считает Юнг,

поскольку на одного душевнобольного (около 1 % населения) приходится до 10 человек с латентно протекающим психозом. Мышление у них само по себе близко к «одержимости» и, когда накаляются страсти, эти люди оказываются наиболее приспособленными к ситуации. Полубезумные фантазии легко заражают тех, кто еще вчера был образцом рассудительности. Масса тянется к лидерам, обещающим простые решения всех проблем путем насилия. Элементарной аксиомой коллективной психики Юнг считает моральную и духовную неполноценность массового человека. Он лишен ответственности, а нулям нужен вождь, то есть единица, поставленная перед нулями.

Таким образом, «рационализм» современных мифов не абсолютен. Вождь вполне может стать носителем «коллективных желаний» бессознательно и так же жить в мифе, как и обыватель [12]. Он аккумулирует коллективные желания, становясь механизмом достижения цели.

Что заставляет человека все время возвращаться к мифам? Э. Кассирер считал, что человек «не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать лицом к лицу, физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая деятельность человека. Человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет скорее среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез» [13, с. 471]. Другими словами, между человеком и действительностью необходим посредник, который помогал бы человеку воспринять реальность в том или ином виде, определить отношение к ней. Одной из этих форм является миф. Миф есть семантическое поле, на котором человек встречается с реальностью. Сама структура человеческой личности выстроена на мифе. Миф – это инструмент моделирования окружающего мира и одновременно способ самоидентификации субъекта, рефлексии.

В архаическом обществе миф и есть действительная жизнь. Он примиряет и гармонизирует «онтологические разрывы» бытия общества.

Но для сознания современного человека существо мифа скрыто. Ему непонятно, насколько рационализм, расстроивший его способность отвечать божественным силам и идеям, отдал его на милость психической преисподней. Человек полагает, что освободил себя от суеверий, но при

этом до опасного предела утратил свои духовные ценности. Его моральная и духовная традиции распались, и теперь он расплачивается за это дезориентацией и разобщенностью.

Мифы создаются коллективно, и в этом смысле каждый человек является в той или иной степени мифотворцем. Какой-либо приобретший общественную значимость миф создается не только его первоначальным автором, но и всеми, поверившими в него и распространяющими его людьми. Подобно слуху, по мере своего распространения, он исправляется, дополняется, обрастает новыми подробностями и аргументами, захватывает сознание все большего круга людей.

Однако человек создает не только коллективные, но и индивидуальные, предназначенные для личного пользования мифы. В своих мечтаниях и грезах он постоянно возвращается в детство, проживая заново далекие события и «исправляя» их в соответствии с его теперешними взглядами на жизнь, ставит себя на место других людей, совершает героические подвиги, преувеличивает свои положительные (с его точки зрения) качества и преуменьшает или переносит на других отрицательные, анализирует пройденный им жизненный путь и продумывает, как бы он построил его, начни жизнь сначала. В результате складывается подкорректированный, исправленный, рафинированный образ самого себя, нередко очень далекий от реальных качеств человека. В соответствии с этим образом, он строит свои отношения с другими людьми, намечает жизненные цели и отбирает средства для их достижения, ищет оправдания для совершаемых им неблагоприятных поступков. Иначе говоря, человек выстраивает относительно себя миф – «миф моей жизни» (Я.Э. Голосовкер). И в данном случае, можно сказать словами А.Ф. Лосева, что «личность есть миф», что это – символ, определяющий траекторию человеческой жизни, ее смысл и судьбу [14, с. 4-5].

«Благодаря своей постоянной активности и неугасающей актуальности миф как бы постоянно присутствует «здесь» и «сейчас». Можно представить себе, что для мифологического сознания существует некая «другая реальность», которая способна актуализироваться в «нашем» пространстве и оказывать на повседневную жизнь человека осязаемое влияние (либо благотворное, либо вредоносное – в зависимости от ситуации)» – пишет исследователь С.Ю. Неклюдов [15, с. 14]. Но вопрос в том, в какой ситуации

мифы оказывают благотворное, а в какой вредоносное воздействие?

В данном случае интересным на наш взгляд

представляется сопоставительный анализ классического и социального мифа, предложенный исследователем Е.А. Баландиной [16, с. 31].

Таблица 1
Сопоставительный анализ классического и социального мифа

Миф созидательного (позитивного) воздействия	Миф разрушительного (отрицательного) воздействия
Создается с целью сохранения рода, нации, государства. Стремится к гармонизации личности, общества и природы	Фабрикуется в интересах особой части социума, что приводит к разрушению социальной целостности
Народное творчество – основа создания мифа	В основе – технические средства распространения мифа, с целью воздействия на общественное сознание
Передается на подсознательном генетическом уровне из поколения в поколение	Воздействует на уровень бессознательного, с целью подавления сознательной активности общества
Выполняет функцию социальной самоидентификации индивидов и общества	Является способом социальной деформации, расщепления общественного сознания
Колоссальный источник массовой энергии, ее ступок, способ мобилизации целых групп людей к определенным действиям	Средство обмана, порождения страха, паники и как следствия парализации социальной активности
Способствует сохранению здоровья человека, народа, страны, природы	Порождает эгоцентризм, сохраняет здоровье отдельной части общества, разрушая целое

Определяя дуалистичную природу феномена мифа, как же разрешить проблему: без мифов нельзя, а с мифами плохо? Она разрешается «... «доказательством» святости того или иного социального мифа, т.е. лежащей в его основании традицией и концепцией (если таковая каким-нибудь образом просматривается). Традиция подлежит историческому учету и культурологическому анализу, а концепция, уязвимая в силу относительной ценности мифа, с точки зрения сакральной истины – проверке на внутреннюю непротиворечивость и практическую пригодность» [17, с. 37-38]. То есть, миф действителен для общества лишь в той мере, в какой оно ощущает в нем наличие хотя бы одного ответа на жизненно важные для себя вопросы. Поэтому сопереживание мифической истории, «персонажам» мифа, даже при сознании их условности является необходимым условием существования самого мифа.

Что касается проблемы идентификации мифосознания в условиях актуально функционирующего конкретного типа общества, то это относится к числу теоретически неразрешимых. В этом плане, на наш взгляд, ни одна социальная

теория не в состоянии представить объективного критерия, на основании которого можно было бы четко отделить миф от не мифа. Тем более, когда речь идет о социальном мифе как совокупном образе эпохи, отягощенном различными духовными напластованиями и образованиями сознания. Поэтому идентификация мифа возможна только «извне», с позиций иного социального пространства и исторического времени.

Литература

- 1 Кассирер Э. Техника политических мифов // Феномен человека. – М., 1993. – С. 64-86.
- 2 Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 524 с.
- 3 Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
- 4 Найдыш В.М. Философия мифологии: от античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – 554 с.
- 5 Юнг К.-Г. Психология и алхимия. – М.: Рефл-бук, 1997. – С. 43.
- 6 Орынбеков М.С. Идейные основания казахстанской цивилизации // Проблема формиро-

вания цивилизационного сознания: материалы международной научной конференции. – Алматы: Қазақ университеті, 2004. – С. 27-32.

7 Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: Рефл-бук, 1996. – С. 39.

8 Юнг К.-Г. Архетип и символ. – М., 1991. – 205 с.

9 Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 524 с.

10 Заблуждающийся разум: Многообразие вненаучного знания. – М.: Политиздат, 1990. – 461 с.

11 Кольев А.Н. Политическая мифология. – М., 2003. – 381 с.

12 Яковенко И. Феномен социального лиде-

ра // Свободная мысль. – 1994. – № 2-3. – С. 62-72.

13 Кассирер Э. Опыт о человеке. – М.: Гардарика, 1998. – С. 529-580.

14 Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с.

15 Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология. – М.: РГГУ, 2005. – С. 9-25.

16 Баландина Е.А. Социальное мифотворчество в качестве средства манипуляции сознанием. – Барнаул, 2000. – 186 с.

17 Кольев А.Н. Политическая мифология. – М., 2003. – 381 с.

Ә.Х. Рамазанова, Ә.А. Құранбек

Заманауи болмыс аспектісіндегі әлеуметтік мифтер

Бұл мақалада әлеуметтік мифтердің бітім-болмысы және олардың заманауи түрлерінің ерекшеліктері зерделенген.

Заманауи мифтер өздерінің мазмұны, сондай-ақ формасы жағынан да ежелгі аңыз-эпсаналардан өзгеше болып келеді. Дегенмен ежелгі аңыз-эпсаналар секілді олар да бұқараның санасын жаулап алып, оның әлеуетін қажетті арнаға бағыттай алады. Әдетте дәстүрлі құндылықтар жойылуға бет алып, ал жаңа құндылықтар енді ғана қалыптасып жатқан, қоғамның күйзеліске түскен уақытында (соғыс, аласапыран, төңкерістер және т.б.) мұндай мифтерге деген сенім күшейе түседі.

Заманауи мифтерге қатысты, олардың таралуының латентті және белсенді фазалары туралы сөз қозғауға болады. Миф белсенді фазаға өткен кезде өзінің ықпалын тұтас әлеуметке, не болмаса оның көп бөлігіне дейін ұлғайтып қоғамдық басымдыққа ие болады.

Ал қоғамның күткен дүниелері орындалмаған не болмаса қоғамдық көзқарас өзгерген болса миф өзінің бұрынғы «атақ-данқын» айырылып, жақтастарының да саны азайып, өзге идеологиялық модельге орын босатады. Бірақ та қоғамдық сұраныстың кезекті толқынында типологиялық тұрғыда бір-біріне ұқсас тарихи оқиғалар орын алған кезде ескі мифке деген қажеттілік артып, ол қайтадан идеологиялық басымдыққа ие болуы әбден мүмкін.

Alyiya Ramasanova, Asset Kuranbek

Social Myths in Modern Aspect

This article discusses the specific of social myths, peculiarities of functioning of myths in modern world.

Modern myths and their content and form are quite different from the ancient myths. But as the ancient myths, they acquire the consciousness of the masses and move their activity to the appropriate channel. Especially a lot of faith in these myths appear in crisis times for the society (war, strife, revolution, destruction), when the old values rapidly were destroyed and new ones are just beginning to emerge.

With regard to modern myths we can talk about the latent and active phases of their operation. Myth becomes the dominant of society during its active phase, expanding its influence to the size of the whole community or a large part of it. When social expectations are changing, the myth is losing its former «glory», giving place to the other ideological model and drastically reducing the number of its adherents. However, when typologically similar historical conditions (based on the next turn of expectations of society) appear, the old myth may be required by society and once again become the dominant ideology. You must also remember that the mythological thinking in the modern world has been transformed form, in particular, the degree of development of human consciousness as a result of social evolution.